
С.Н. Ковальчук

«ДОЛГ – ЭТО ВЫСШИЙ ЗАКОН»:
МУЛЬТИЯЗЫЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА
НЕЗАВИСИМОЙ ЛАТВИИ
(1920–1940)

Бытует мнение, что по существующему в стране правовому регулированию можно определить уровень развития государства и его характер. Но формальные нормы проявляют порой бессилие перед социальной реальностью, если не наполнены ясными целями, пониманием и возможной критикой объекта регулирования. Посему доктрина, помогающая как профессионалам-юристам, так и неюристам понять нормы или характер и содержание правового порядка во всей целокупности, и есть один из принятых источников права в законоведении. Независимо от формы юридическая доктрина помогает развивать и совершенствовать правовой порядок.

В этом демократическому правопорядку Латвии повезло уже в самом начале 1920-х гг. Латвия, переняв российское законодательство, постепенно накладывала на него инструкции, дополнения. Параллельно шла интенсивная интеллектуальная работа по выработке национальной правовой системы — административного, уголовного, гражданского и других кодексов. Во всяком случае, до переворота Карлиса Улманиса, состоявшегося в ночь с 15 на 16 мая 1934 г., многочисленное и многонациональное общество юристов в достаточной степени научно-критически и творчески относилось к юридической доктрине. Специалисты, оказавшиеся по воле бурных исторических событий в Латвии в 1919-м — начале 1920-х гг., бежавшие из России в годы Гражданской войны, нашедшие возможность выехать за пределы Страны Советов, возвратившиеся на родину, — желали планомерно и неуклонно участвовать в работе на благо молодого демократического государства. Возможно, соучастие в творческо-правовой работе стало причиной создания в Латвии по меньшей мере восьми профессиональных юридических обществ и издания четырех юридических журналов. Так, вскоре после рождения латвийского государства стал выходить «Вестник Министерства юстиции» («Tieslietu Ministrijas Vēstnesis»; 1920–1940), который долгие годы возглавлял профессор, декан факультета народного хозяйства и правоведения Латвийского университета профессор Карлис Дишлерс (Dišlers; 1878–1954)¹. Было создано Еврейское

¹ Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, в Петербурге работал в качестве журналиста в латышских газетах. С 1917 г. доцент Омского политехнического института (по другим сведениям, Томского политехнического института) по государственному праву. Репрессирован советской властью 14 июня 1941 г. и отправлен в ссылку под Красноярск. В 1947 г. самовольно возвратился в Латвию, но в 1950 г. властями повторно отправлен в Сибирь.

юридическое общество², которое возглавлял профессор Латвийского университета Пауль Минц (Mincs; 1868–1941)³, а его заместителем был еще в недавнем прошлом петербургский адвокат Марк Розовский (Rozovskis; 1864–1941)⁴. Рижским юридическим обществом руководил нотариус Янис Пургалис (Jānis Purgalis; 1869–1940?). Карлис Дуцманис (Ducmanis; 1881–1943)⁵ возглавил объединенное Латвийское общество юристов. Работали также Латвийское общество частных адвокатов и Латвийское общество судей.

Наряду с официальным министерским вестником только три юридических общества позволили себе иметь печатное издание. Так, Немецкое юридическое общество с 1926 по 1939 г. издавало «Рижский юридический журнал» («Rigasche Zeitschrift für Rechtswissenschaft»). Общество «Справедливость» («Aequitas») было создано специально для издания журнала на латышском языке «Юрист» («Jurists»; 1928–1940). Основателем общества и издателем журнала стал профессор Латвийского университета Василий Иванович Синайский. С мая 1929 по август 1938 г. Русское юридическое общество издавало в Риге журнал «Закон и суд».

I

Издание «Рижского юридического журнала» представляется вполне закономерным событием. Немецкий язык с созданием 18 ноября 1918 г. латвийского государства оставался языком межгосударственного, межнационального общения наряду с русским языком. В те годы в самой только Латвийской Республике проживало около 62 тыс. прибалтийских немцев, многие из которых имели высокий уровень образования и сумели найти свое профессиональное применение в молодом государстве. Юристы из среды немецкого меньшинства уважительно относились к законотворческому процессу и в стенах латвийского парламента, и в профессиональной среде. Поэтому общественно, политически и интеллектуально активная элита прибалтийских немцев уже к началу 1926 г. предложила широкому кругу читателей журнал на немецком языке по вопросам права.

На страницах «Рижского юридического журнала» обсуждались вопросы римского права, церковное, торговое, семейное право, валютное законодательство,

² Латвийский государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 3724. Оп. 1. Д. 3767. Дело Еврейского юридического общества.

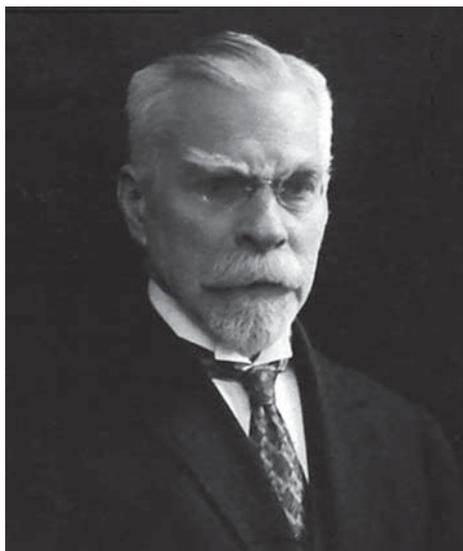
³ Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, присяжный адвокат в Риге с 1904 г., специалист по уголовному праву. Профессор Латвийского университета с 1921 по 1939 г. Общественно-политический деятель, подвижник еврейского образования, директор гимназии «Ezra». Репрессирован советской властью 14 июня 1941 г. Скончался в лагере в Красноярске 28 декабря 1941 г. См. более подробно: Выдающиеся евреи Латвии / Автор текста г. Смирин. Рига, 2003. С. 18; Mincs Pauls // Latvijas advokātūra: Zvērināti advokāti un zvērīnātu advokātu palīgi biogrāfijās. 1919.–1945. / Sastādītāji Ē. Jēkabsons, V. Šcerbinskis. Rīga, 2007. 358.–359. lpp.

⁴ Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, в Риге входил в коллегию присяжных адвокатов, издатель сионистской газеты. Репрессирован советской властью 14 июня 1941 г. Скончался в лагере в Соликамске.

⁵ Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, дипломат, сенатор Сената Верховного суда Латвийской Республики. Переводчик Л.И. Петражицкого на латышский язык. Репрессирован советской властью 14 июня 1941 г. Погиб в тюрьме в Кирове.

проблемы постоянных международных судов. Читателям предлагались тщательные интерпретации законопроектов, новых законодательных актов Латвии и Эстонии, осмысливались реформы гражданского процесса в Германии, торговые кодексы в Венгрии и Италии и т. д. Помимо самих редакторов в издании публиковались известные латвийские юристы и коллеги из Эстонии и Литвы, Германии, Швеции, Венгрии⁶. В разные годы журнал редактировали Бернхард Иоган Теодор фон Берент (von Berent; 1892–1946)⁷ и Вильгельм Мюллер (Müller; 1895–1945)⁸.

На мой взгляд, самым колоритным, многоопытным редактором издания был Рудольф Карл Вильгельм фон Фрейман (von Freyman; 1860–1934)⁹. Он родился в Нарве в семье полковника, до 1879 г. проживал с родителями в Варшаве, где был расквартирован полк отца. В Варшаве он окончил гимназию, впереди его ожидало обучение на юридическом факультете в Дерптском (Юрьевском) университете. После успешного завершения обучения в стенах старейшего уни-

*Р. Фрейман. Начало 1920-х гг.
ЛГИА. Ф. 2996. Оп. 6. Д. 10312*

⁶ Профессор Латвийского университета Владимир Иосифович Буковский, профессор Пауль Минц, сенатор Август Лебер (Loeber), сотрудник Министерства юстиции Латвии Петр Николаевич Якоби, профессор и директор Судебно-медицинского института Латвии Фердинанд Нейрейтер (Neureiter), доцент Рижского института имени Гердера Л. фон Витте (von Witte), присяжные адвокаты Паул Энгелман (Engelmann), Александр Константинович Лаврентьев и Виктор Григорьевич Костенич, судья Рижского окружного суда Бурхард фон Клот (von Klot), профессор Аксель Фрайхерр фон Фрейтаг-Лорингхоувен (Freiherr von Freytag-Loringhoven) из Бреслау, адвокат Герт Кох (Koch) из Эстонии, профессор Пауль Эрнест фон Соколовский (von Sokolowski) из Литвы, Оскар фон Бюхлер (von Büchler) из Литвы, профессор Эдмунд Кунц (Kuncz) из Венгрии, Э. фон Нотбек (von Nottbeck) из Эстонии, доктор права и адвокат Ханс Ланг (Lang) из Вюрцбурга (Бавария), член шведского рейхстага профессор Биргер Эккеберг (Ekeberg), доктор права и приват-доцент Э. Волхауптер (Wolfhaupter) из Мюнхена, доктор права Вилли Шумахер (Schuhmacher) из Бонна, профессор Хенрих Герланд (Gerland) из Йенского университета, доктор медицины Макс Грюневальд (Grünewald) из Дортмунда.

⁷ Родился в Риге, изучал право в Тартуском и Мюнхенском университетах, адвокат, первый редактор «Рижского юридического журнала». В 1929 г. был министром внутренних дел Латвии. В декабре 1939 г. уехал в Германию. Погиб в советском лагере военнопленных.

⁸ Родился в Риге, изучал право в Тартуском и Латвийском университетах, адвокат, редактор «Рижского юридического журнала» с августа 1934 г. В декабре 1939 г. уехал в Германию. Пропал без вести.

⁹ См. о нем: ЛГИА. Ф. 7454. Оп. 1. Д. 201. Б. Берент; Памяти сенатора Р.В. фон Фреймана: Некролог // Закон и суд. 1934. № 46. [Т. 4. С. 950]. (Здесь и далее цитируется по факсимильному изданию: Закон и суд: Вестник Русского юридического общества (Рига, 1929–1938): Факсимильное издание: В 8 т. / Сост. А. Шмите, А. Пориете; отв. ред. Л. Круминя / Общество юристов Латвии; Фонд сенатора Августа Лебера. Рига, 2000. = Likums un tiesa: Krievu Juridiskās biedrības vēstnesis, 1929–1938. Rīga, 2000.)

верситета Российской империи началась карьера в высшем органе суда и надзора — Сенате, представлявшем собой в то время 12 департаментов и других учреждений под началом генерал-прокурора. Фрейман служил в III и IV департаментах, а с 1888 г. становится коллежским советником и ответственным сотрудником Министерства юстиции. Принимал непосредственное участие в создании законодательных актов. С 1902 г. — помощник начальника канцелярии по приему прошений царю. В 1911 г. Рудольф Фрейман получил придворный чин шталмейстера и стал руководителем канцелярии. С 1914 до Октябрьского переворота 1917 г. — сенатор департамента юстиции российского Сената, назначенный на эту должность царем пожизненно. Будучи человеком верующим, Фрейман на протяжении многих лет был связан с Петербургской евангелически-лютеранской консисторией и с 1890 до 1914 г. был ее светским ассессором, слыл признанным специалистом в области религиозного права. Не раз был награжден орденами Российской империи — Св. Владимира, Св. Анны, Св. Станислава. Бурные перемены в России принесли в семью Фреймана трагедию — от голода скончалась любимая супруга Анна Элеонора (урожд. фон Лантинг), а еще недавний сенатор не брезговал работать простым рабочим на железной дороге, учителем рисования, больничным рабочим. В 1919–1921 гг. работал в Москве в советских учреждениях в должности старшего контролера. Но судьба приготовила еще один вираж — с июля 1922 г. до середины мая 1925 г. Фрейман трудился в посольстве Латвии в России. Поселившись в Риге, он начал вести активную адвокатскую практику, был юридическим консультантом посольства Италии в Латвии, активным членом Немецкого юридического общества и редактором «Рижского юридического журнала». С созданием Русского юридического общества в Риге стал его членом правления и автором статей журнала «Закон и суд». Смерть внезапно настигла Рудольфа Фреймана в поезде летом 1934 г., когда он направлялся по адвокатским делам в городок Крустпилс.

Журнал Немецкого юридического общества прекратил существование ввиду массового отъезда осенью 1939 — весной 1940 г. немецко-русского и немецко-латышского населения в Германию. Отъезд продолжился и после установления советской власти — со второй половины января 1941 г. Согласно договору между СССР и Германией о переселении лиц немецкой национальности из Латвийской ССР¹⁰ старались уехать те, кто за первое полугодие нового политического порядка не попал в поле зрения новой власти. Те, кто оценил по исчезавшим знакомым мощь катка ее репрессий, кому категорически была чужда ее идеология¹¹. В Латвии по разным причинам предпочли остаться незначительное число прибалтийских немцев.

Факсимильное издание «Рижского юридического журнала» осуществил в 2002–2003 гг. меценат на поприще науки и культуры профессор Дитрих Андрей Лебер (Loeber; 1923–2004). Соучаствовали Фонд имени сенатора Августа Лебера

¹⁰ Советская власть была установлена в Латвии 17 июня 1940 г.

¹¹ См.: Гроссен Г. Жизнь в Риге: Воспоминания // Даугава (Рига). 1994. № 4. С. 173–192. URL: http://www.russkije.lv/ru/journalism/read/ziznj-v-rige/05_zv_chetvertaja_chastj.html (дата обращения 26 декабря 2012 г.).

и Латвийское юридическое общество¹². В переиздании приняли участие сотрудники Латвийской академической библиотеки Анна Шмите и Лига Круминя, взявшие на себя труд по редактированию и составлению 10-томного издания. Статьи некоторых авторов из Германии, да и из Латвии, напечатанные после 1932 г., по причине их одиозности опущены в факсимильном издании. По сей день, увы, не проведено целостного научного исследования печатного издания, выявления судеб широкого круга его авторов.

II

Общество «Справедливость» («Aequitas») было создано специально для издания журнала на латышском языке «Юрист» («Jurists»). Издателем журнала стал Василий Иванович Синайский (1876–1949) — профессор, заведующий кафедрой гражданского права Латвийского университета, специалист по римскому праву, исследователь различных аспектов античной, русской, латышской культуры¹³. Кредо журнала и его главного редактора было сформулировано коротко: «Без права нет культуры, без культуры нет истинной жизни». Эта емкая фраза, бывшая эпиграфом к каждому номеру издания, характеризовала научные интересы Синайского-редактора как ведущего специалиста в области гражданского права, знатока римского права, пытливого исследователя, который ради глубокого, всеобъемлющего осмысления, понимания функционирования правовой системы в социуме обращался к разным отраслям человеческого знания — истории, истории культуры, философии, фольклору, лингвистике, психологии, антропологии.

Общительный и толерантный, Синайский привлекал на страницы своего журнала разнообразный круг авторов, который единил не столько формальный журнальный объем, работа в Латвийском университете, в Сенате Верховного суда или в адвокатских фирмах. Объединяло образование, полученное в стенах Дерптского, Петербургского, Московского, Киевского, Казанского, Варшавского университетов и других высших школ бывшей Российской империи.

Круг авторов журнала был очень широк, их высокий профессиональный опыт позволял не только обсуждать разнообразные специальные юридические вопросы, но и углубляться в тонкости политических, социальных, философских проблем. Активно сотрудничали с изданием профессора факультета народного хо-

¹² См.: Rigasche Zeitschrift für Rechtswissenschaft: [Rīgas Tiesību Zinātņu Žurnāls]: 1926–1939. Rīga: Latvijas Akadēmiskā bibliotēka, 2002–2003. Faksimilizdevums. 1.–10. sējums.

¹³ Библиография трудов профессора В.И. Синайского составлена его ассистентом Александром Паварсом: *Pavārs A. Professoris atque juris doctoris Basilii Sinaiski Opera (1907–1938) // Latvijas universitātes akadēmiskās sabiedrisko zinātņu biedrības rakstu krājums*. Rīga, 1939. II. sējums. Дополнительную литературу о Синайском можно найти: *Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии. 1917–1944 гг.: Био-библиографический справочник*. Stanford, 1990. Vol. 3; *Синайская Н.В. Круг жизни профессора Василия Ивановича Синайского*. Рига, 1998; *Ковальчук С. 22 года из жизни ученого: Цивилист Василий Синайский в Латвии // Seminarium Hortus Humanitatis: Альм.* (Рига). 2010. № XXI. С. 61–72. Синайский в Латвии также вступил в адвокатское сословие. См. подробнее: *Sinaiškis Vasilijis // Latvija advokātūra. Zvērināti advokāti un zvērīnātu advokātu palīgi biogrāfijas. 1919–1945. Biogrāfiskā vārdnīca / Sastādītāji Ē. Jēkabsons, V. Šcerbinskis*. Rīga, 2007. 445.–446. lpp.

В.И. Синайский. 1930-е гг.
Из личного архива С.Н. Ковальчук
(Рига)

зайства и права Латвийского университета Александр Николаевич Круглевский (1886–1964), Владимир Иосифович Буковский (1867–1937) и Пауль Минц, Август Лебер (Loeber; 1865–1948), Арвед Швабе (Švābe; 1888–1959) и Александр Буманис (Būmanis; 1881–1937)¹⁴. Публиковался также Анатолий Александрович Угрюмов (1872–1929) — еще в недавнем прошлом генерал-майор и военный прокурор царской армии, ставший в начале 1920-х гг. приват-доцентом Латвийского университета. Через журнальные публикации можно было ознакомиться с широким кругом латвийского адвокатского корпуса. Среди авторов издания был министр юстиции периода правления диктатора К. Улманиса Херманис Аpsītis (Apsītis; 1893–1942), сенаторы Верховного суда Латвии Петерис Лейтанс (Leitans), Янис Калацс (Kalacs), декан факультета народного хозяйства и права Латвийского университета Карлис Дишлерс.

Коллеги — редакторы дружественных изданий поддерживали начинание Синайского: на страницах «Юриста» публиковались Р. Фрейман и П.Н. Якоби. Петр Николаевич Якоби (1876–1941)¹⁵ — известный юрист, консультант Министерства юстиции, деятельный участник Русского юридического общества в Латвии, редактор журнала «Закон и суд» — стал активным автором журнала. Якоби по количеству публикаций в издании «Юрист» уступал только профессору Синайскому. Петр Николаевич был участником разработки Уголовного закона 1933 г. и в своих статьях подробно информировал читателей о ходе развития обсуждения закона, его нововведениях, комментировал и разъяснял волю законодателей. Прояснял также и вопросы дисциплинарной ответственности, анализировал различные стороны уголовного процесса (правовое урегулирование вопроса о процессуальных дей-

¹⁴ Бывшая студентка В.И. Синайского профессор Лина Бирзиня (1910–2007) приложила немало сил для написания многочисленных книг о профессуре юридического факультета университета 1920–1930-х гг. См. более подробно: *Birziņa L. Latvijas universitātes tiesībsinātnieki: Tiesiska doma Latvijā XX gadsimtā.* Rīga, 1999.

¹⁵ См. о нем: *Абызов Ю., Фейгман Т. Неправый суд над правоведом П.Н. Якоби // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике.* Рига, 1999. Т. 4. С. 104–139. Перу П.Н. Якоби принадлежали не только труды по юриспруденции (как, например, «Практическое руководство к составлению обвинительных актов и заключений» (Рига, 1937)), но и сочинения совсем в другом роде. Так, Якоби был автором сборника стихов «Золотые струны» (Рига, 1929), составленного из ранее опубликованных в авторских книжках в Петербурге и Витебске. Арестован советскими властями в августе 1940 г., скончался через год в заключении под Котласом.

ствиях с вещественными доказательствами, о проблемах исполнения приговора). К тому же Якоби в 1935 г. в журналах «Вестник Министерства юстиции» и «Юрист» обнародовал критический анализ уголовного законодательства Германии, принятого в угоду национал-социалистическим идеям, но в ущерб правам и достоинству индивида.

Тема соотношения права, морали и религии увлекала Синайского. На протяжении всего времени существования журнала несколько авторов обращались к ней. Первым откликнулся Марк Данилович Вайнтроб (1895–1942) — юрист по образованию, философ, общественный деятель, приват-доцент «Русских университетских знаний»¹⁶. Были опубликованы его статьи о Фихте¹⁷, Спинозе¹⁸ и их понимании государства и права. Третья статья Вайнтроба называлась «Этическое понимание права» («Tiesību etiskā izpratne»). В ней философ писал: «Воспитательная роль права — это только изгородь, ограждающая чисто этическое воспитание. В этом и заключается непреходящая роль права для человека». Право порождает равновесие в обществе, научает самоконтролю. «На языке этики о ценности человеческой жизни можно говорить с моральным самосознанием человека». Язык права понимает уже и чувственная сфера человека, стремящаяся избежать страданий. Человек, как утверждал Вайнтроб, способен изменить поведение под угрозой наказания, «которое назначено в инобытии»¹⁹.

Как истинный педагог, В.И. Синайский формировал научную смену не только в стенах Латвийского университета. Редакционная атмосфера журнала способствовала тому, что молодые юристы становились единомышленниками, помощниками главного редактора. В разные годы ему помогали недавние студенты Латвийского университета, делавшие самостоятельные шаги в стенах alma mater, в адвокатских фирмах, на судебном поприще — Константин Чаксте (Čakste; 1901–1945), Николай Винзарайс (Vinzarais; 1905–1978), Александр Паварс (1893–1971), Лотар Шульц (Šulcs; 1904–1994), Карлис Викманис (Vikmaņis; 1898–1935). Страницы журнала были открыты для многих молодых юристов. Среди прочих назову имя младшего научного сотрудника кафедры философии права Латвийского университета Романа Зиле (Zīle; 1900–1971)²⁰, который опубликовал в 1936–1937 гг. в нескольких номерах издания статью «Проблема целостности и философия права» («Veseluma problēma un tiesību filozofija»)²¹.

¹⁶ См. о нем: Ковальчук С. Еврейская философия в Латвии в 20–30 годах: М. Шац-Анин, М. Лазерсон, М. Вайнтроб // Евреи в меняющемся мире. Рига, 1996. Т. 1. С. 92–98; Она же. Романтическая душа Марка Вайнтроба // Там же. 1998. Т. 2. С. 113–121.

¹⁷ Vaintrobs M. Tiesības un valsts jēdziens Fiches filozofijā // Jurists. 1928. № 6. 171.–180. lpp.

¹⁸ Idem. Spinozas principi mācībā par tiesībām un valsti // Ibid. 1929. № 15. 231.–236. lpp.; 1929. № 16. 275.–280. lpp.

¹⁹ Idem. Tiesību ētiskā izpratne // Ibid. 1928. № 3. 73.–78. lpp.

²⁰ Сын ректора Латвийского университета Мартына Зиле, юрист по образованию, адвокат, убежденный монархист, душеприказчик известного русского религиозного философа И.А. Ильина. См. более подробно: И.Н. Заволоко и Р.М. Зиле // Балтийско-русский сборник: Материалы по истории русской жизни в Риге и Каунасе: Из Архива Гуверовского института / Изд. подгот. Л. Флейшман, Б. Равдин. Stanford, 2007. Т. 2. С. 168–201.

²¹ Zīle R. Veseluma problēma un tiesību filozofija // Jurists. 1936. № 7/8. 155.–160. lpp.; 1937. № 1/2. 31.–38. lpp.; № 3/4. 61.–64. lpp.

Затяжной кризис парламентской демократии в Латвии был прекращен событиями 15–16 мая 1934 г. — политическим переворотом Карлиса Улманиса. Журнал «Юрист» спокойно отреагировал на это событие. Редакция издания в лице профессора Синайского фактически поддерживала актуальную для того времени интерпретацию политической деятельности Улманиса как человека, способного бескорыстно и всецело взять на себя политическую, гражданскую ответственность за сложное положение в государстве. Однозначно ответить на вопрос, почему Синайский принял и даже оправдывал переворот, нельзя. Было ли это проявлением конформизма? Возможно. В известной мере он был несвободен, поскольку преподавал в Латвийском университете. Это во-первых. Во-вторых, нельзя сбрасывать со счета личностные, профессиональные качества: редактор журнала «Юрист» был рыцарем права, служивший верно идее права *per se*. Но даже по истечении нескольких лет после переворота мая 1934 г. профессор не видел или, скорее, не желал замечать гримасы авторитаризма: планомерное наступление на демократические завоевания, введение цензуры, усиление националистической пропаганды и т. д.

Забегая несколько вперед, подчеркну, что коллеги-юристы из рижского русского юридического журнала «Закон и суд» сдержанно отнеслись к событиям 15–16 мая 1934 г. На страницах журнала они безбоязненно размышляли о превратной судьбе молодых европейских демократий: избавление от деспотии монархов через краткий период демократических преобразований оборачивалось возвращением к деспотии, диктатуре, к идее государственного блага и его приоритета над благом индивидуума.

В 1937 г. журнал начал испытывать материальные трудности, эти проблемы были «услышаны» властью. Журналу был преподнесен на 10-летний юбилей подарок — 500 латов. В 1937 г. в сдвоенном номере 7/8 журнал «Юрист» поместил небольшую статью Улманиса под названием «Долг — это высший закон». Накануне 20-летия латвийской государственности, 13 ноября 1938 г., в газете «Защитник Латвии» («*Latvijas kareivis*») профессор Синайский опубликовал статью «Гражданин — солдат» («*Pilsonis — karavīrs*»), в которой славил мудрость власти.

В конце 1937 г. Синайский передал бразды правления в редакции журнала «Jurists» своему любимому ассистенту. С 1938 года, с номера 1/2 главным редактором журнала стал Константин Чаксте. Но редакция, несмотря на поддержку и заинтересованность Улманиса, с трудом находила средства для издания: с начала 1939 г. до мая 1940 г. удалось выпустить 11 номеров журнала.

III

С мая 1929 г. по август 1938 г. рижское Русское юридическое общество начало издавать русскоязычный «Закон и суд. Вестник Русского юридического общества», ставший своего рода энциклопедией русской правовой мысли в изгнании²². Этому изданию удалось в отрыве от исторической родины продолжить лучшие традиции широко известного в дореволюционной России санкт-

²² См.: Ковальчук С.Н. Судьба журнала «Закон и суд» (1929–1938) // Балтийский архив. С. 88–103.

петербургского журнала «Русское право». Но более того, «Закон и суд» стал единственным периодическим изданием русских (российских) юристов, обосновавшихся в Западной Европе после российской трагедии 1917 г.²³

Инициативная группа, состоявшая из 16 человек, еще в феврале 1929 г. обратилась к проживавшим в Латвии и за рубежом русским юристам с воззванием продолжить на латвийской земле традиции Санкт-Петербургского журнала «Право», который «должен служить парламентом юридической мысли русских юристов»²⁴. Авторы воззвания призывали к единению и дружному сотрудничеству коллег.

Основателями Русского юридического общества в Латвии весной 1929 г. согласно архивным документам²⁵ стали: присяжный адвокат Иосиф Людвигович Балинский (1869–1942)²⁶, Владимир Владимирович Галкин (1877–?)²⁷, главный редактор газеты «Сегодня» Максим Ипполитович Ганфман (1873–

Обложка журнала «Закон и суд».
Из личного архива С.Н. Ковальчук (Рига)

²³ Общественных объединений русских юристов было создано в те годы немало: в Париже в 1920 г. был создан Союз русских адвокатов за границей, в том же году в Берлине — Союз русских адвокатов, в 1926 г. — Объединение русских адвокатов во Франции, в 1928 г. — Объединение русских юристов в Праге, в 1929 г. — Общество русских юристов в Загребе. В Югославии многим русским юристам удалось устроиться на преподавательскую работу. См. более подробно: Чубинский М. Русские юристы в Югославии // Закон и суд. 1929. № 6. [Т. 1. С. 133–134]; Маклецов А. Русские юристы в Югославии // Там же. 1933. № 40. [Т. 3 С. 798–800]. А в Чехословакии для многочисленного профессорско-преподавательского состава и русского студенчества ситуация сложилась столь благоприятно, что в Праге в мае 1922 г. даже был открыт Русский юридический факультет, во главе которого стал профессор П.И. Новгородцев. См. более подробно: Голан А. Письма из Чехословакии // Закон и суд. 1929. № 2. [Т. 1. С. 32–33].

²⁴ История создания общества и его печатного органа подробно была изложена в последнем номере издания: Закрытие журнала «Закон и суд» // Закон и суд. 1938. № 88/90. [Т. 8. С. 1952–1954].

²⁵ ЛГИА. Ф. 3724. Оп. 1. Д. 5055. Л. 37.

²⁶ См. о нем: Balinskis Jāzeps // Latvijas advokātūra. 96. lpp.

²⁷ Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета. С 1907 по 1913 г. служил товарищем прокурора Рижского окружного суда. В 1922 г. возвратился в Латвию. Активно участвовал в работе Русского национального объединения, был председателем Русского клуба в Риге, членом церковно-приходского совета рижского Христорождественского кафедрального собора.

1934)²⁸, Генрих Иванович Гроссен (1881–1974)²⁹, петербургский адвокат Оскар Осипович Грузенберг (1866–1941)³⁰, Максим Ильич Коссовский (1874–?)³¹, присяжный адвокат Виктор Григорьевич Костенич (1881–1959)³², профессор Латвийского университета Паул Минц, присяжный адвокат Итало Александрович Форгач (Forgatsch; 1885–1978)³³, криминалист, адвокат Иосиф Сигизмундович Шабловский (1873–1934)³⁴, Петр Николаевич Якоби³⁵.

В сухих архивных свидетельствах опущены многие славные имена инициаторов издания журнала «Закон и суд». Многих единила судьба изгнанников, общие воспоминания о службе в Петербурге и учебе на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, человеческая приязнь. Общество было зарегистрировано в Рижском окружном суде 27 марта 1929 г. В мае в Рижскую префектуру был сдан Устав общества, в котором целью общества было определено теоретическое и практическое исследования проблем права. Председателем общества единодушно избрали О.О. Грузенберга, его заместителями (товарищами председателя) стали П.Н. Якоби и И.С. Шабловский³⁶. Почетным членом был единогласно избран известный петербургский правовед профессор Л.И. Петражицкий (1867–1931)³⁷.

²⁸ См. о нем: Памяти М.И. Ганфмана: (Некролог) // Закон и суд. 1934. № 10. [Т. 4. С. 1022]; Гессен И. Памяти М.И. Ганфмана: (Из письма к А.И. Каминка) // Там же. [Т. 4. С. 1022–1024]; Ковальчук С. Ганфман М.И. // Покровское кладбище: Слава и забвение / Сост. С. Видякина, С. Ковальчук. Рига, 2004. С. 178–181.

²⁹ Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, помощник обер-секретаря Сената, редактор военного журнала «Вестник Северо-Западной армии» в Нарве в 1919 г., по приезде в Ригу работал в целом ряде газет, более 10 лет был учителем в рижских школах. См. о нем: Абызов Ю. О Генрихе Гроссене и его «Записках» // Даугава (Рига). 1994. № 1. URL: <http://www.russkije.lv/ru/journalism/read/ziznj-v-rige> (дата обращения 26 декабря 2012 г.).

³⁰ См. о нем: Грузенберг Оскар // Краткая еврейская энциклопедия: В 11 т. Иерусалим, 1982. Т. 2. С. 234–235; Грузенберг Оскар Осипович // Российская еврейская энциклопедия. М., 1994. (URL: http://rujen.ru/index.php/ГРУЗЕНБЕРГ_Оскар_Осипович (дата обращения 26 декабря 2012 г.)); Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: Из истории газеты *Сегодня* 1930-х годов: В 5 кн. Stanford, 1997. Кн. 5. С. 60–85; Ковальчук С. Рига в эмигрантских скитаниях Оскара Грузенберга // Евреи в меняющемся мире. Рига, 2000. Т. 3. С. 486–494; Kovaļčuka S. Oskars Gruzenbergs: žurnālā “Likums un tiesa” (1929–1938) galvenais redaktors // Kultūras identitātes dimensijas. Rīga, 2011. 81.–95. lpp.

³¹ Выпускник Демидовского юридического лицея. В начале 1930-х гг. преподавал в Риге в Русском институте университетских знаний, читал курс по гражданскому процессу. См.: ЛГИА. Ф. 5901. Оп. 1. Д. 48. Л. 32.

³² См. о нем: Kosteničs Viktors // Latvijas advokatūra. 287. lpp.

³³ См. о нем: Forgačs Italo // Latvijas advokatūra. 186.–187. lpp.

³⁴ См. о нем: Памяти И.С. Шабловского // Закон и суд. 1934. № 50. [Т. 4. С. 1021].

³⁵ См. о нем: Абызов Ю., Фейгман Т. Неправый суд над правоведем П.Н. Якоби.

³⁶ ЛГИА. Ф. 3724. О. 1. Д. 5054. Дело Русского юридического общества в Латвии.

³⁷ Л.И. Петражицкий вскоре после событий октября 1917 г. выехал в Польшу, где преподавал в Варшавском университете. Петражицкого связывала с Ригой не только многолетняя дружба с Грузенбергом, но и их сотрудничество в журнале «Русское право». См. подробнее: Грузенберг О. Из дневника юриста // Закон и суд. 1929. № 1. [Т. 1. С. 8–9]; Круглевский А. Петражицкий Л.И.: Некролог // Там же. 1931. № 20. [Т. 2. С. 393–396]. В 1920–1930-х гг. в Латвии успешно научно работали несколько бывших студентов профессора Петражицкого: М.Я. Лазерсон, А.Н. Круглевский, К. Дишлерс, К. Дуцманис. См. подробнее: Лазерсон М. О наследии русской философии права // Закон и суд. 1929. № 1. [Т. 1. С. 8–9]; Круглевский А. Петражицкий Л.И.: Некролог // Там же. 1931. № 20. [Т. 2. С. 400]; Kруглевskis A. L. Petražickis: Nekrologs // Tieslietu Ministrijas Vēstnesis. 1931. № 5. 199.–201. lpp.; Kруглевskis A. Ducmanis K. Leo Petražicka tiesību un valsts teorija sakarā ar mācību par morāli // Tieslietu Ministrijas Vēstnesis. 1931. № 6/7. 282.–284. lpp.

Итак, 7 мая в Риге в присутствии высших членов судебного ведомства и общественных деятелей произошло торжественное открытие Русского юридического общества в Латвии. Председателем общества Оскаром Осиповичем Грузенбергом и гостем из Тарту профессором Игорем Матвеевичем Тютрюмовым (1855–1943)³⁸ были прочитаны доклады. В этот день Грузенберг представил собравшимся первый номер журнала. На первой его странице были напечатаны вдохновенные слова о том, что «со щепотками земли с родных могил» русская интеллигенция унесла из России дух родины, дух ее благородной культуры, в котором нет властолюбия, а только «тихий свет всепоглощающей мудрости». «Русская интеллигенция — это братство, рыцарский орден. Куда бы исторические судьбы ни закинули его членов, они должны выполнять свое провиденциальное назначение: отдавать свои знания и опыт, выявлять свой талант, — словом, подобрать оборванную нить родной культуры, чтобы передать ее не только младшим поколениям, лишенным неумной войною и безумной революцией родных университетских стен, но и тем народам, среди которых они осели, — одни осели как граждане, другие как гости — увы! — засидевшиеся гости»³⁹.

Для сохранения русского академического права, единства русской интеллигенции, для деятельного включения юристов в жизнь молодых независимых государств и был задуман этот журнал. Тем более что правовая система балтийских государств унаследовала российские уголовные и гражданские законы, которые неспешно заменялись местными уложениями⁴⁰.

За годы существования издания удалось выпустить 90 номеров, в их подготовке участвовало 75 авторов (среди которых было 18 профессоров). Общее количество статей равняется 395, не считая обширных заметок в отделах законодательной летописи, хроники событий, консультации подписчиков⁴¹. Назову всего

О.О. Грузенберг. Начало 1920-х гг.
ЛГИА. Ф. 2996. Оп. 7. Д. 37337

³⁸ См.: Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Под ред. С.Г. Исакова. Тарту; СПб, 2001; Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье: М-лы для библиогр. словаря: Юридические науки: XIX — первая половина XX в. М., 2011. Вып. 4. С. 178.

³⁹ Грузенберг О. Из юридического дневника // Закон и суд. 1929. № 1. [Т. 1. С. 3].

⁴⁰ См.: Тютрюмов И. Рецензия русского права в Эстонии и Латвии // Там же. [С. 26–28].

⁴¹ В последнем номере издания в статье без указания имени автора «Закрытие журнала “Закон и суд”» были подведены итоги десятилетней деятельности. См.: Закрытие журнала «Закон и суд» // Закон и суд. 1938. № 8/10. [Т. 8. С. 1952–1954].

лишь небольшое число авторов из-за рубежа, принимавших участие в работе журнала; о некоторых сохранились довольно подробные сведения, о ком-то почти ничего: профессор Игорь Матвеевич Тютрюмов (Тарту), профессор Николай Сергеевич Тимашев (1886–1970; Париж)⁴², Алексей Александрович Гольденвейзер (1890–1978; Берлин), профессор Сергей Владиславович Завадский (1871–1935; Прага)⁴³, приват-доцент Александр Иванович Голан (1896–1936; Прага), профессор Петр Леонас (Leonas; 1864–1938; Каунас), профессор Карл Саарман (Saarman; 1893–1948; Таллин), профессор Сергей Константинович Гогель (1860–1933; Берлин), профессор Александр Васильевич Маклецов (1884–1948; Любляна)⁴⁴, А. Паткин (Мельбурн), Д.М. Каушанский (Кишинев), Тамара Гаухман-Черняк. Из рижских авторов можно назвать нескольких: профессор В.И. Синайский, сенатор А. Лебер, профессор В.И. Буковский, профессор П.М. Минц, профессор М.Я. Лазерсон, сенатор Р. Фрейман. Но одно имя хочется выделить особо. Практически ни один номер не обошелся без статей, заметок, ответов читателям, написанных рукой П.Н. Якоби.

После отъезда из Риги Грузенберга осенью 1931 г. весь груз обязанностей по руководству юридическим обществом взял на себя П.Н. Якоби. С 1934 г. редакцией журнала стал руководить профессор Август Исаакович Каминка (1865–1941), затем И.А. Форгач. Председательское кресло в обществе занял на короткое время профессор Синайский, далее председательствовали И.С. Шабловский, с декабря 1934 г. П.Н. Якоби; членами правления были А.И. Каминка, Э.В. Завадский. Уже в феврале 1935 г. встал вопрос о создании объединенного Латвийского юридического общества. Якоби категорически возражал против слияния со всеми продолжавшими к этому времени существовать юридическими обществами. 5 октября 1935 г. он сложил с себя обязанности председателя правления общества, вышел из его состава. Сдержанное отношение правления к объединению в итоге дало повод властям поставить вопрос о ликвидации Русского юридического общества. Место П. Якоби занял бывший депутат латвийского сейма, адвокат Александр Семенович Бочагов (1885–1952). Ему и было суждено руководить обществом вплоть до его окончательного закрытия в мае 1940 г.

Темы издания «Закон и суд» отличались завидной разносторонностью. Подробно рассматривались различные аспекты гражданского кодекса, которые касались семьи и брака, прав женщин и незаконнорожденных детей, имущественного наследства, квартирного вопроса и т. д. На страницах издания обсуждалось, критически комментировалось латвийское уголовное уложение, принятое сеймом в 1930 г. Не остались без внимания проблемы суда и прокуратуры, судебной экспертизы и состояния мест заключения, торговое право и последние постаново-

⁴² О нем см.: На темы русские и общие // Сб. ст. и мат-лов в честь Н.С. Тимашева / Под ред. Н.П. Полторацкого. Нью-Йорк: Общество друзей русской культуры, 1965.

⁴³ См. о нем: Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921–1972 / Сост. Н.М. Зернов. Boston, 1973.

⁴⁴ О нем см.: Магуза А.О. Забытый ученый-эмигрант А.В. Маклецов и его криминалистические воззрения: К 125-летию со дня рождения // Российский криминологический взгляд. 2009. № 1. С. 356–358.

ления правительства по акционерным обществам. Публиковались статьи об изменениях в законоуложениях Германии, Италии, Чехословакии, Франции, но особо пристальное внимание уделялось Эстонии и Литве. Состояние правовой системы советской России во все годы существования журнала было одной из центральных тем. Начиная с первых номеров в издании «Закон и суд» был широко представлен раздел международного права. Могу только предположить, что тон этого раздела изначально задал специалист по международному законодательству, неустанный поборник прав национальных меньшинств в Латвии профессор М.Я. Лазерсон⁴⁵. В этом разделе появлялись статьи о заключении и пересмотре международных договоров, но главное — о международной защите национальных меньшинств, о документах, которые вырабатывала Лига Наций по данному вопросу. Авторами статей были М.И. Вишняк и единственная дама среди авторов Тамара Гаухман-Черняк, публиковавшая статьи в журнале по проблеме беженцев вплоть до 1938 г.

*А.С. Бочагов. Начало 1920-х гг.
Из личного архива Т.Д. Фейгмане
(Рига)*

Интересная особенность первых 23 номеров журнала состояла в том, что их неизменно открывал юридический дневник О.О. Грузенберга. Имя Грузенберга вошло во многие справочные издания как блистательного адвоката и общественного деятеля. До революции он стал особо известен после так называемых еврейских процессов. Zenитом его профессионального успеха стало в 1913 г. дело М. Бейлиса, которое Грузенберг уподобил судебным расправам времен инквизиции. В 1917 г. он был избран по единому еврейскому национальному списку в депутаты Всероссийского учредительного собрания. В 1920 г. Грузенберг покинул Россию, которую любил: «Когда любишь, то любишь с в о ю любовь. <...> За что мы любим Россию, — попытаюсь, впрочем, объяснить. За то, что там солнце светит и греет п о - и н о м у; и н а ч е плывут на небе облака, журчит река, хрустит под ногами песок»⁴⁶. (Разрядка Грузенберга. — С.К.)

Поиски достойного для жизни и работы места привели Грузенберга и его семью в Германию, затем во Францию, а с 1926 до конца 1931 г. он жил в Лат-

⁴⁵ См.: Лазерсон М. Трансформация мирового публичного права // Закон и суд. 1932. № 7. [Т. 2. С. 534–535].

⁴⁶ Грузенберг О. Из дневника юриста // Там же. 1933. № 33. [Т. 3. С. 657].

вии. Но такова уж кочевая судьба эмигранта — Грузенберг не задержался в Риге, уехал вновь во Францию. В 1944 г. профессор Макс Лазерсон писал: «Можно без преувеличения сказать, что за все эмигрантские годы О.О. <Грузенберга> латвийская эпоха была наибольшим приближением к его бывшей российской деятельности и славе. Хотя он — в качестве иностранца — и не был зачислен в латвийское сословие адвокатов, он все же по молчаливому уговору судов и адвокатуры получил неписанные права экстерриториального и притом авторитетнейшего адвоката»⁴⁷.

Какой настрой, какая тема была доминирующей в дневниках Грузенберга? Внешне, при беглом чтении его вводных статей, казалось, только идеализм, бескорыстность, возвышенность чувств, любовь к России, пиетет перед российской правовой системой владели их автором. От читателя была тщательно скрыта противоречивость, страстность, чувствительность натуры автора, сложность его переживания бытия эмигранта, отношений в эмигрантской среде вообще. Надо признать, что Грузенберг был более откровенен не в журнальном дневнике юриста, а в частной переписке и в воспоминаниях. Будучи человеком преклонного возраста, он был погружен в прошлое. Он жил этим прошлым. Поэтому не удивительно, что его дневник был так насыщен воспоминаниями, историческими экскурсами, дававшими определенную настрой публикациям номера⁴⁸. Он писал дневник, мысленно устремляясь на родину его духа — в Россию. Но при всем погружении в былое время в дневнике были критические комментарии латвийских законов, о которых автор дневников старался говорить «не вороватым фальцетом угодливого, а грудным голосом уважения к истине»⁴⁹.

Излюбленными темами Грузенберга были защита независимости адвокатов и суда присяжных заседателей, который никак не прививался в молодом государстве. В одной из статей он писал: «Русскому адвокатскому сословию, за которым больше заслуг, чем за каким-либо другим свободным сословием, есть что вспомнить, есть чем гордиться. <...> У русской адвокатуры свой неразменный фонд, накопленный 50 годами *общественного* служения и неугашения духа во времена самых тяжелых для страны испытаний. Она создала совершенно неведомый западной адвокатуре институт *бесплатных* консультационных бюро, *бесплатных* защит неимущих даже на выездных сессиях». Адвокат — бесстрашный и стойкий солдат, который, будучи честным и знающим свое дело, не склонит голову перед властью. «Для него лишь существуют: в небе — Бог, а на земле — закон и ответственная, взыскательная совесть. Все остальное — от лукавого»⁵⁰.

⁴⁷ Цит. по: Русская печать в Риге: Из истории газеты *Сегодня* 1930-х годов. Кн. 5. С. 81. См. также: *Грузенберг О.О.* Вчера. Париж, 1938.

⁴⁸ Часто фрагменты из дневника Грузенберга предвляли публикацию статей бывшего товарища обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената Александра Николаевича Лазаренко (1876–1937). Как писал Грузенберг, Лазаренко «умудрился каким-то чудом спасти большую часть протоколов по судоустройству и уголовному судопроизводству комиссий незабвенного 1917 г.» (*Грузенберг О.* Из дневника юриста // *Закон и суд.* 1930. № 7. [Т. 1. С. 151–153]). Александр Николаевич опубликовал в журнале «Закон и суд» большую серию статей о проектах Временного правительства, о суде присяжных, судебной службе, о независимости прокуратуры и др.

⁴⁹ *Грузенберг О.* Из юридического дневника // *Закон и суд.* 1929. № 1. [Т. 1. С. 2].

⁵⁰ *Он же.* Из дневника юриста // Там же. 1930. № 10. [Т. 1. С. 219].

Грузенберг не единожды размышлял на страницах дневника юриста о суде присяжных заседателей в царской России, подчеркивая, что суд этот был честным и праведным. Первая мировая война, революционная буря смели прежнее устройство во многих государствах Европы, разрушили монаршие престолы, на смену деспотиям пришла демократия, породив надежды на светлое будущее, участие широких масс в управлении обществом. Но уже в первое десятилетие своего существования демократические общества «заболели». «Заболели» серьезно. Старый адвокат был убежден, что главная беда демократии была заключена не столько в ее врагах, сколько в ней самой: «Много говорят и пишут о кризисе демократии, об ее сильных врагах — фашистах справа и слева. Однако главная беда демократии не столько в ее врагах, сколько в ней самой: неверие, колебания и — что хуже всего — усталость прокрались в ее собственные ряды, захватили многих ее вождей»⁵¹. В конце 1920-х гг. ему было явно видно, что так называемые вожди-демократы (эти некоронованные короли) прониклись необыкновенной любовью к риторике, которая скрывала их неверие и колебания, но главной потерей стало устранение общественного элемента в отправлении правосудия — суда присяжных⁵².

Еще проживая в Риге, Грузенберг напечатал главы из дневника последний раз, в 1931 г., в сентябрьском номере «Закона и суда», затем его общение с читателями прервалось на несколько номеров. Уже в 1932 г. он прислал из Ниццы небольшую главу из дневника юриста. Он вновь не упустил случая излить свои добрые чувства к России, в которую невозможно было вернуться. «С тех пор, как покинул мою родину, — я, непокорный, покорился этому страшному слову: нельзя! Да и не все ли равно, где доживать свои дни, если приходится жить вне родины и без родины. Конечно, все равно. Не надо было покидать родины, тем более что я не вправе ссылаться даже на то, что мне грозила какая либо опасность»⁵³.

В 1934 г., в 42-м номере журнала «Закон и суд» появилась статья В. Фридштейна «Из области нового германского права», своеобразно предвосхитившая события государственного переворота 15–16 мая 1934 г., когда к власти в Латвии пришел диктатор Карлис Улманис. Фридштейн, в частности, писал: «Национал-социалисты имеют в виду между прочим создать или воссоздать новое право, соответствующее духу немецкого народа»⁵⁴. Вывод этой статьи был неутешителен: «Политика “захватила” гражданское право»⁵⁵. Вскоре и в Латвии был осуществлен подобный «захват» гражданского права, узурпирована свобода личности, национальных меньшинств, печатного слова, партий, общественных организаций. Хотя еще совсем еще недавно из уст первого президента Латвии Яниса Чаксте (Čakste; 1859–1927) (кстати, юриста по образованию) звучали высокие слова о демокра-

⁵¹ Там же. 1929. № 3. [Т. 1. С. 51].

⁵² См.: Там же. [Т. 1. С. 51–53].

⁵³ Там же. 1932. № 27. [Т. 2. С. 523].

⁵⁴ Фридштейн В. Из области нового германского гражданского права // Там же. 1934. № 42. [Т. 4. С. 847].

⁵⁵ Там же. [Т. 4. С. 849].

тии, которые его последователи подменили речами о необходимости диктатуры, усиления пропаганды национальной идеи.

Журнал не закрыли, но его положение стало весьма сложным. Уже в майском номере (№ 44) редакторы сочли необходимым опубликовать список распоряжений правительства Улманиса. Этот номер открывала статья, под которой не было подписи. Она называлась «Задачи журнала». Пусть в не прямой, иносказательной форме, но все же редакция выразила свое отрицательное отношение к государственному перевороту. В ней писалось не о последних бурных переменах в Латвии, а о печальном опыте демократических преобразований в России и национальной трагедии 1917 г. В статье говорилось и о том, что революционный дух отрицания расшатал идеи права, которые еще недавно казались «бесспорными, незбылемыми основами для культурного человеческого существования. <...> На авансцену истории, шумно и воинственно, выступили новые люди, обездоленные чужими ошибками и преступлениями, поэтому крайне враждебные к прошлому. <...> Они властно зовут к новому будущему, жадно требуя себе всю полноту власти, обещая в обмен всю полноту благополучия под условием полного разрыва с настоящим, уничтожения всех его достижений». Новые представители демократических начал в пылу радикальных преобразований забыли мудрое римское правило, гласящее, что право рассчитано на пользование, а не на злоупотребление им. «Злоупотребления, правда, доказывают не только недостатки людей, но и несовершенства институтов, но еще не доказывают их непригодности»⁵⁶. Но бесконечные реформы, как видно на примере России, дискредитируют правопорядок, ведут к опасному процессу — к гибели связи между государственной организацией и идеей личности. Таким образом, идея права, идея правопорядка способна расшатываться от частых трансформаций с двух сторон, отравляя последний источник права — народное правосознание. Журнал в новых условиях выдвинул для себя задачу следить за развитием права во всех его проявлениях, с тем чтобы адекватно отразить на страницах журнала правовую работу в стране, главным образом разрабатывать практические, а не теоретические вопросы, внимательно изучать опыт Эстонии и Литвы.

Внешне редакция старалась выполнить свои обещания — в журнале стали преобладать публикации по специальным юридическим вопросам. Из номера в номер в разделе «Законодательная летопись» печатались новые законы, законопроекты, постановления, дополнения к статьям Устава гражданского судопроизводства, изменения в Уставе уголовного судопроизводства и т. д. правительства Улманиса. Подробно комментировались правовые проблемы так называемой Балтийской Антанты, связанные с заключением союза Латвии, Литвы и Эстонии. Профессор А.И. Каминка, некто Senior, Вячеслав Новиков, М.Н. Фейтельберг подробно писали о конституционных изменениях, фашистских партиях, трудовом законодательстве в Италии, Австрии, Германии, Франции, т. е. авторы журнала взяли на вооружение критику тоталитарных режимов далеко за пределами Латвии. Но уже в 1936 г. журнал отказался публиковать статьи об авторитарных режимах.

⁵⁶ Задачи журнала // Закон и суд. 1934. № 44. [Т. 4. С. 880].

Как можно было юристам, преданным идее правового государства, стабильности форм государственного бытия, соблюдения прав и достоинства индивидуума, оставить без внимания процесс глубоких конституционных изменений в европейских государствах в 1930-х гг.? Каковы причины победы фашистской идеологии, торжество ее над большевизмом? Неужели причина в экономическом кризисе? Авторы журнала «Закон и суд» настоятельно искали ответы на поставленные вопросы. Искали потому, что хотели точно определить для себя степень зависимости самого юриста, отстаивающего высокие идеи справедливости, от политической конъюнктуры, от идеологии. Одним из ответов был следующий: идеология, политика правят бал в сфере права, знаменуя тем самым не только глубокий кризис правосознания, но и кризис самой идеи демократии, равенства и братства. Оказалось, что демократия политическая, еще совсем недавно воодушевлявшая миллионы в Старом Свете, оказалась практически неспособной перейти в демократию социальную, сбиваясь на утверждение олигархии, сотворение идола в виде религии вождя, прославление идеи превосходства нации.

В начале 1937 г. журнал позволил себе отойти от практического направления, опубликовав подробный отчет мероприятий в Русском юридическом обществе, посвященных 100-летней годовщине гибели А.С. Пушкина. В Риге в тот год о Пушкине, русской культуре говорили и писали много. «Закон и суд» поместил на своих страницах содержательные публикации В.И. Синайского «Пушкин о праве»⁵⁷, П.Н. Якоби «Ход дела о дуэли Пушкина с Дантесом-Геккереном»⁵⁸, В.А. Мякотина «Пушкин и декабристы»⁵⁹.

В 1938 г. вышло всего лишь восемь номеров журнала. В последнем номере члены редакционной коллегии писали, что 29 июля 1938 г. письмом за № 29577 Департамент печати и обществ Министерства общественных дел уведомил Русское юридическое общество об отклонении его прошения на издание журнала «Закон и суд». Да, единственный печатный орган юридической мысли в русском зарубежье закрывался. Редакция выразила надежду, что их усилия на протяжении девяти лет не канут в Лету. «При смене действующего в СССР бесправного режима, с переходом к принципам правового государства русский законодатель найдет цен-

П.Н. Якоби. Начало 1920-х гг.
ЛГИА. Ф. 2996. Оп. 9. Д. 514

⁵⁷ Там же. 1937. № 72. [Т. 7. С. 1507–1510].

⁵⁸ Там же. [Т. 7. С. 1510–1517].

⁵⁹ Там же. № 73. [Т. 7. С. 1527–1530].

ный материал в этом единственном за рубежом хранилище русской юридической традиции, где собирались труды по разработке русского права в новообразовавшихся соседних с Россией государствах. В этом, в перспективе истории, значение нашего журнала, ныне прекратившего, по не зависившим от издательства причинам, свое существование»⁶⁰.

Достоинство и сдержанность были в этих итоговых строках редакционной коллегии. Журнал никогда не позволял себе резких выпадов против власти, надеясь, что научный журнал не затронет диктаторский режим Улманиса. Петр Николаевич Якоби 30 сентября 1938 г. отправил из редакции журнала письмо в Югославию А.В. Маклецову. Писал в то самое время, когда готовился завершающий номер журнала Русского юридического общества. Вот строки из этого письма, копия которого любезно была предоставлена мне профессором А. Лебером из личной коллекции архивных документов⁶¹:

К нашему горю, увы, далеко не все благополучно! Если Вы просматривали последние номера нашего журнала, то Вы могли заметить, что с опубликованием последних новостей, помещенных в №№ 82–87 <...> над нами повис дамоклов меч. Все же мы не могли предполагать, что шовинистическая власть посягнет на научную мысль, между тем это случилось. Нас закрывают. Казалось бы, если им не нужен наш журнал, то зачем же закрывать возможность следить за развитием русской юридической мысли тем, кто интересуется нашим журналом. А вот видите же, мегаломания и шовинистический обскурантизм пресек нашу деятельность. Словом, нам предоставлена возможность выпустить заключительный последний номер. Мы уже готовы; в нем пришлось поместить весь оставшийся от прежнего номера готовый набор, который превышает размеры обычного номера.

<...> Некоторые авторы (Фридриштейн, Кацнельсон), следуя предложению правления Русского юридического общества, взяли на себя расходы по припечатыванию их статей в последнем номере. Если Вы хотите последовать их примеру и оказать такую же финансовую помощь нашему злополучному детищу, то уведомите меня и пришлите свою лепту в редакцию по моему адресу. На всякий случай прилагаю расчет типографии по припечатке Вашей заметки. Я же придержу выпуск номера до Вашего ответа. Мне очень совестно писать обо всем этом, но Вы, надеюсь, не осудите мою такую откровенность. <...>

Когда последний номер будет разослан, я позволю себе послать Вам уже готовую статью, где сопоставлены госуд<арственные> устройства в трех балтийских странах, и Вы увидите, в какой кошмарной обстановке приходилось мне работать. Эту статью, быть может, Вы найдете возможным поместить в мест-

⁶⁰ Закрытие журнала «Закон и суд» // Закон и суд. 1938. № 88/90. [Т. 8. С. 1954].

⁶¹ Позже письмо П.Н. Якоби профессор А. Лебер издал скромным тиражом в: «Zakon I Sud»: Eine russischsprachige juristische Zeitschrift in Riga 1929–1938: Materialien über die Schliessung der Zeitschrift im Jahre 1938 auf Anordnung der Behörden Lettlands / Zsgest. von Dietrich A. Loeber. Hamburg, 1989. S. 1–11. В 2000 г. письмо вновь было опубликовано профессором Лебером в предисловии к факсимильному изданию журнала «Закон и суд».

ной прессе или во вновь народившемся журнале “Право”, который я приветствую от всего сердца и желаю ему более радостного и удачного успеха.

Во всяком случае, буду просить Вас по получении последнего номера дать где-нибудь надлежащую отповедь для истории: да ведают потомки православные.

Спешу заключить свою эпистулу, чтобы она скорее до Вас дошла.

Какие различные чувства мною овладели при получении Вашего письма: радость получения от Вас весточки, признательность за интересную заметку и скорбь за наше детище.

Искренне преданный Вам

П. Якоби

В июне 1940 г. осуществилась инкорпорация прибалтийских государств, через год началась страшная война и трехлетняя немецкая оккупация, летом — в сентябре 1944 г. — последовал очередной исход населения, и последующее почти 50-летнее пребывание в составе СССР оказалось неминуемо. Все эти события размыли память о русской (российской) эмиграции в Латвии, в странах Балтии. К началу 1990-х гг. многое было безвозвратно утрачено, прервана естественная связь поколений, да и жернова политических режимов перетерли многие человеческие судьбы в пыль. Энергия забвения оказалась сильнее памяти.